

рость теперь»,—говорит онъ.—«Я жилъ для славы. Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь. И съ тѣхъ поръ сталъ спокойнѣе, какъ живу для одного себя».

Подобныя разсужденія не мѣшали ему дѣлать добро ближнимъ, т.-е. жить не для одного себя. Безъ замѣтнаго труда и безъ выказыванья кому -нибудь, князь Андрей произвелъ улучшенія въ быту своихъ крѣпостныхъ.

Онъ имѣлъ ту практическую цѣпкость, которая безъ размаховъ и усилий съ его стороны давала движеніе дѣлу. Школа, больница, замѣна барщины оброкомъ, отчисленіе триста душъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы—все это явилось и прочно возстановилось въ имѣніи князя Болконскаго.

Сидя безвыѣздно въ деревнѣ, князь Андрей не переставалъ слѣдить за всѣми новыми событіями міра, получалъ многу книгъ и, такимъ образомъ, былъ въ курсѣ всего совершавшагося во внѣшней и внутренней политикѣ. Личной жизни у него не было. Онъ доживалъ свой вѣкъ, не дѣлая зла, не тревожась и ничего для себя не желая.

Трудно допустить подобное самоотреченіе въ 31 годъ. Князь Андрей не кривилъ душою, думая такимъ образомъ; но привычка быть въ обществѣ, играть въ немъ роль, отсутствіе людей сказалось въ конечномъ результатѣ: онъ загрузилъ, появилась нервозность, раздражительность. Его тянуло въ высшія сферы, гдѣ готовилось будущее, отъ котораго зависѣли судьбы миллионовъ.

Въ Петербургѣ въ то время готовилось огромное гражданское сраженіе, главнокомандующимъ котораго являлось гениальное лицо—Сперанскій. Эта личность